

Религия — опиум народа

Мракобесы без маски

Письмо бывшего проповедника майкопской секты субботников Анатолия Александровича Комма.

Наш вклад

Решения декабрьского Пленума ЦК КПСС коллектив ремонтно-строительного цеха встретил одобрением. Но во время бесед нередко задавали трудящиеся вопросы агитаторам, какой вклад может внести цех в борьбу колхозников за высокий урожай.

— Наша работа, кажется, не так уж близка к сельскохозяйственной, — заявляли иные.

Но нашлось дело и нам. Коллективу цеха поручили изготовить 50 тысяч штук планок для деревянных щитов снегозадержания. Срок установили — 15 января.

В основном эту работу выполняли комсомольцы и молодые столары.

— Поможет колхозам и совхозам задание выполнить досрочно, — говорили ребята.

Пример показывала бригада ящичников Евгения Коновалова, в составе которой комсомолец Александр Духанин выполнял норму до 140 процентов.

Комсомольско-молодежная бригада столаров, которую возглавляет комсомолец Талгат Бикмулин тоже показала высокие образцы работы. Здесь комсомольцы Геннадий Игнатьев, Петр Белоцерковец и молодые рабочие Геннадий Андреев, Петр Шукин ежедневно намного обгоняли норму. Неплохо трудились и столары бригады комсомольца Владимира Колесникова.

Так из смены в смену шла работа. Каждый грудился добросовестно, сознавая, что его труд идет на общее полезное дело. Старания всех столаров увенчались успехом. К 10 января задание было выполнено полностью.

Комсомольцы и молодые столары продолжают упорно трудиться на своих участках, чтобы каждое задание выполнять досрочно и активней участвовать своим трудом в борьбе металлургов и труженников социалистического сельского хозяйства за новые успехи во втором году семилетки.

В. МАНСУРОВ,
секретарь комсомольской организации цеха.

Подведены итоги конкурса

Заводской Совет добровольного спортивного общества «Труд» нашего комбината подвел итоги конкурса на лучшие образцы нагрудного значка «Физкультурник ММК» и жетона «Чемпион ММК».

Из поступивших в течение месяца 22 эскизов Совет принял два. Первая премия (300 рублей) присуждена за эскиз нагрудного значка «Физкультурник ММК» цинкографу заводской типографии Г. А. Назаретяну.

Третья премия (100 рублей) присуждена за эскиз жетона «Чемпион ММК» тренеру футбольной команды «Металлург» В. П. Гузей.

Изображения принятых эскизов и Положение о вручении нагрудных значков и жетонов будут помещены в нашей газете.

Редатор В. М. ЩИБРЯ.

Коллектив трудящихся об- жимного цеха скорбит о преждевременно смерти вырубщика КОСЫХ Виктора Степановича и выражает соболезнование родным покойного.

Дорогие читатели!
Я еще совсем молодой человек. Но, несмотря на молодость, я успел испытать много горя и разочарований, многое уже потерял в сравнении со своими сверстниками. И всему виной те люди, которые еще в раннем детстве вовлекли меня в ужасный омут религиозного фанатизма, повесили на мои глаза черную повязку, скрывавшую от меня на многие годы нашу замечательную действительность.

Теперь, освободившись от власти дурмана, навсегда порвав с религией, я чувствую себя так, словно заново родился. Я увидел, что счастье, которое мне обещали после смерти в загробном мире, люди завоевывают при жизни своими руками, своим трудом. Изменилось и мое представление о счастье. Быть с народом, дышать вместе с ним, шагать в одном строю с честными тружениками — в этом мое счастье.

Страшно подумать, что стало бы со мной, если бы настоящие советские люди не открыли мне глаза на мои заблуждения, не помогли найти твердую почву под ногами. О прошлом, о том, что было со мной, и вспоминать не хочется. Но это необходимо.

Я, прошедший путь от рядового сектанта до старшего проповедника, пишу только о том, что видел своими глазами, слышал своими ушами, отвечаю за каждое слово, ничего не утаю, ничего не скрою от нашего общества. Пусть падет завеса, скрывающая от всего мира шайку преступников, спекулирующих на религиозном фанатизме, и банду фанатиков, не останавливающихся в своем экстазе перед самыми дикими преступлениями.

КАК РАЗВАЛИЛАСЬ НАША СЕМЬЯ

Мой отец, Комм Александр Константинович, и мать Комм Наталья Тихоновна, первые пять лет супружеской жизни жили дружно, счастливо. Так было до тех пор, пока нашу семью не начал навещать сосед, шестидесятилетний старик Михаил Криволапов. Старик был религиозным фанатиком. Как я узнал позже, он принадлежал к числу крупнейших кулаков, раскулаченных в годы коллективизации. Криволапов затаил в своей душе смертельную ненависть к Советской власти.

Криволапов приходил почти каждый вечер. Устрашая отца и мать великими муками в вечном адском огне, он убеждал их вступить в секту баптистов. Отец мой, комсомолец, не придавая значения этой злостной агитации, не прогнал вон проповедника, не обратил внимание на то, что мать внимательно прислушивается к словам баптиста. А когда опомнился, было поздно, — мать уже вступила в нефтегорскую баптистскую общину.

Сотни юношей и девушек работников комбината занимаются в различных кружках художественной самодеятельности при Доме культуры металлургов. Здесь под руководством опытных руководителей овладевают вокальным, хореографическим искусством.

На снимке: участники хора русской народной песни Дома культуры металлургов.

Фото Е. Карпова.

Через год моя мать стала ревностной богомолкой. Разум ее заметно помутнел, она забыла, кем была, стала наседать на отца — добилась, чтобы и он вошел в секту. Криволапов внушил ей, что каждый неверующий — блудник, следовательно, она живет с блудником, а это большой грех.

Начались в нашей семье страшные скандалы. Поняв, что с матерью он ничего сделать не сможет, отец записал. На мать наседали Криволапов и другие «братья» и «сестры», они грозились отлучить ее от секты, если она будет жить с блудником.

В 1941 году, перед началом Отечественной войны, отец вынужден был расстаться с семьей. Он уехал в слезах. Не в лучшем состоянии осталась мать — и она любила отца, и ей не хотелось, чтобы мы росли сиротами. После отъезда отца мать день и ночь обливалась слезами. Наш дом стали часто навещать баптисты. Они успокаивали мать тем, что после смерти в раю она получит великую награду и обретет вечную радость.

Постепенно мать смирилась с новым положением.

Это был первый удар, который на моих глазах нанесли религиозные фанатики, — они разрушили нашу семью, разлучили отца с матерью, сделали меня с братом сиротами. После этого они принялись за меня самого.

В СЕКТЕ ПЯТИДЕСЯТНИКОВ

Когда я был в третьем классе, Криволапов перешел в секту пятидесятников. За ним последовали многие баптисты, в их числе и моя мать.

Пятидесятники отличаются от баптистов системой обрядов. Во время молитвы они должны были «получить святой дух» и «иные языки», то есть доводили себя до истерики, до полного расстройства нервной системы.

Однажды я стал свидетелем жуткого преступления в доме Головневых, на 216 участке в пос. Нефтегорск. На собрание пришло около 15 человек. Собрание проходило нелегально. Пресвитером являлся Криволапов Михаил, главным проповедником — Зиновьев, а главной «пророчицей» — Головнева. Здесь же была одна женщина, вдова лет 35, верующая с детских лет. С нею находился трехлетний мальчик, очень красивый и умный, ее единственный сын. Мне было известно, что муж этой женщины умер от длительного сорокасуточного поста: тридцать девять суток он ничего не ел и не пил (по приказанию «пророка»), а на сороковые сутки умер.

Во время молитвы Головнева

объявила, что на нее «нашел святой дух» и стала «пророчествовать»:

— Так говорит господь. Я вижу множество ваших великих грехов и великое зло, которое вы делаете предо мною. По численности ваших грехов вам всем предстоит попасть в ад на вечное мучение. Но я весьма милостив и щедр, я помилую вас, если вы исполните мое повеление. Принесите мне в жертву непорочного молодого агнца трехлетнего мальчика. Знайте, что я не пощадил своего единородного сына, предав его за грехи всего мира. Это я вам повелеваю для того, чтобы испытать ваше послушание и вашу любовь ко мне. Тебе, мой сын Михаил, повелеваю, возьми младенца и принеси его мне в жертву. Кровь, которую прольет этот младенец, смоем все ваши грехи.

Эти слова она выкрикивала хриплым голосом, и ужас овладел мной. Неужели это «пророчество» будет выполнено?

Михаил подошел к ребенку, но мать крепко держала его.

— Не допущу, — воскликнула она, — чтобы мой единственный сын умер!

Она еще крепче прижала его к своей груди и крикнула: «Не бойся, мой мальчик, мое милое дитя, я никому тебя не отдам!»

Ребенок, понявший, что ему угрожает опасность, стал жалобно плакать. Подошла Головнева, стала «пророчествовать»:

— Дочь моя Екатерина! Не думай, что я хочу тебе хуже, нет, я хочу тебе только лучшего. Если твой сын умрет сегодня, он сразу же попадет в рай. Он будет моим ангелом. А если только он останется в живых, то я предвижу, что он будет великий безбожник и после смерти примет муки в аду.

Эти слова шли «от имени бога». Затем она подошла вплотную к вдове и подняла ее руки. Мать ребенка, видимо, потеряв сознание, свалилась на пол.

Криволапов взял мальчика и подошел к ним к столу. Теперь уже не один я, а все присутствующие были в великом страхе и ужасе. Некоторые отвернулись, чтобы не видеть казни, некоторые закрыли глаза, а некоторые, как и я, не имели сил пошевелиться и наблюдали за действиями пресвитера.

Никогда не забыть мне, как ужасно плакал ребенок, призывая мать. Этот крик мог бы разжалобить даже лютого зверя.

Но Криволапов не дрогнул. Он взял нож и, поточив его, положил около мальчика. Затем, попросив у бога благословения, связал мальчику руки и ноги, поднял его над большой полированной чашкой, взял в руки столовый нож и ударил мальчика в грудь. Ребенок вздрогнул, на мгновение замолчал, его как бы всего свело судорогой. Удар пришелся по правой стороне грудной клетки. Прошло несколько секунд, и мальчик опять стал кричать: «Ма-мень-ка, ма-ма!» В это время Криволапов нанес ему второй удар ножом. На этот раз напал угодил в сердце: мальчик захрипел, опять его вздрогнуло, свело судорогой и он затих.

Ночью его закопали в лесу. Очнувшуюся мать отвели домой. Через два дня хоронили и ее — она скончалась от разрыва сердца.

МЫ СТАЛИ СУББОТНИКАМИ

Когда мне исполнилось 16 лет, нефтегорская община пятидесятников переняла от сергиевской общины духовных субботников, Гиагинского района, закон о праздновании субботы, и я был назначен проповедником общины.

В 1951 году я приехал в хутор Отрадный, Кошехабльского района, и остановился у своей тетки, сестры матери — Каплиной Веры Тихоновны. Здесь верующих было мало. Но неподалеку, в селе Сергиевском, имелась община субботников, в которой насчитывалось

25 человек. Руководил общиной старик лет 60 — 65 по фамилии Дробот Павел, главным проповедником был Обедко Игнат. Он жил в станице Дондуковской. В сергиевской общине имелись три «пророчицы», на хут. Отрадном — Пенькова Жения и Мироненко Мария, а в Сергиевском — Рыжентиха, имя не помню.

У Мироненко Марии была сестра по имени Раиса, тоже верующая, 26 лет. Раиса рвалась замуж, но за неверующего выходить ей не разрешали, а верующих ее возраста не было. Из восьми юношей, входивших в общину, самому старшему было 17 лет — мне. На меня и пал выбор «пророчицы». Я в то время верил непоколебимо, пророчество считал словом бога, и мой фанатизм «пророчица» использовала в полной мере.

Однажды в субботний день, во время собрания, Мария стала «пророчествовать» следующее:

— Слушай, сын мой, слово всевышнего бога! Так говорит господь: «Я вижу твоё желание жениться, а поэтому повелеваю тебе взять в жены мою сестру Раису. Я пошлю вам великое мое благословение и счастье, вы будете всегда оба здоровы, жить будете мирно и любовно. Будет у вас три сына и две дочери, я награжу вас долголетием... Вы должны обручиться при всех».

У меня потемнело в глазах, закружилась голова. В Нефтегорске жила девушка Клавдия Т., моя соседка. С первого и до четвертого класса сидели мы за одной партой, были хорошими друзьями. Когда меня оторвали от школы, наша дружба не славела, хотя она была пионеркой, а потом вступила в комсомол. Когда нам исполнилось по 16 лет, мы дали друг другу слово всегда дружить.

Перед моими глазами возник образ девушки, с которой я провел детство, как вдруг я почувствовал близкое дыхание и открыл глаза. В этот момент Рая прижала мою голову к себе и поцеловала.

На этом молитва закончилась. Тут же все стали поздравлять меня и Раю с божьим благословением, но я заявил, что Рая мне не пара и что повеление божье неблагоприятно, потому что, видимо, он упустил из виду, что у меня есть любимая девушка, которой я не изменю. Жениться на Рае я категорически отказался.

Тут на меня навалились целой сектой: стали утешать, доказывали, что если я женюсь на неверующей, то счастья мне все равно не будет, а вдобавок к этому бог бросит мою душу в ад.

Со скорбью на сердце я был вынужден жениться на нелюбимой, более того, на ненавистной.

Так бог и его «пророки» совершили надо мной еще одну гнусность.

Тяжкой была наша супружеская жизнь. Несмотря на «пророчество», я не видел ничего, кроме горя, тоски и печали. Зарботки мои были скудные — ведь я праздновал субботу, следовательно, ежедневно совершал прогулы, к тому же Раиса заболела. Так прошло полгода...

В 1952 году, в начале декабря, к нам на хутор Отрадный прибыли гости из города Майкопа: Кобец Ануфрий — руководитель Майкопской секты субботников, Ляликора Надежда — развездная проповедница и «пророчица» и ее помощница Страхова Екатерина и рядовой верующий Алексей (фамилии не знаю). Они хотели ознакомиться с сергиевской объединенной общиной и прийти к единому пониманию священного писания.

Уезжая, они пригласили меня в Майкоп. В декабре я переехал в город и поселился в доме Ануфрия Кобеца по улице М. Горького, № 216. Искал работу, где бы мог в субботу праздновать, но таких предприятий не было.

(Продолжение следует).